

Юлия Долгих

Коридор бессмертия

Мария Ивановна Яблонцева, ветеран Великой Отечественной войны, работала в должности старшего кондуктора Ленинград-Финляндского отделения Октябрьской железной дороги с 1942 по 1944 год. Мария Ивановна и ее боевые товарищи бесперебойно снабжали блокадный Ленинград боеприпасами, горючим и продовольствием по «коридору бессмертия». С 1967 года Мария Ивановна входила в Совет ветеранов 48-ой Колонны. С 1987 года и по настоящее время — член Объединенного Совета Дороги жизни Ленинграда — Санкт-Петербурга.

— Мария Ивановна, расскажите, где вас застала война.

— Мы с семьей жили в районе Большой Охты. Там перед войной построили две новых школы, и я училась в одной из них, в девятом классе.

22 июня состоялся первый выпускной бал десятиклассников. Нас, десятиклассников, тоже пригласили. Десятый класс поставил пьесу «Платон Кречет». Мы смотрели постановку, но веселья совсем не было. Все уже знали, что началась война: утром по радио объявили.

После выпускного все стали расходиться группами по домам, нас провожали десятиклассники. От школы до дома идти километр. Только вышли из школы, слышим гул какой-то: сначала глухой, потом громче. Это была первая воздушная тревога в Ленинграде, в ночь с 22 на 23 июня. Отбой тревоге случился быстро, видимо, потому что наши тогда отогнали фашистов.

— Сколько лет вам было, когда началась война?

— Мне было семнадцать лет. В феврале 1942 года исполнилось семнадцать.

— **Как вы попали на железную дорогу?**

— В марте 1942 года мы пришли в райком комсомола и попросили дать нам работу, потому что было трудно учиться в войну. Нас отправили в кондукторский резерв Ленинград-Финляндского отделения. Когда я пришла в кондукторский резерв, то думала, что у кондуктора работа — как в трамвае: билетки проверять. Оказалось не так. Заместитель начальника сразу же подвел нас к вагону и все объяснил: «Вот буферная тарелка, вот соединительные рукава, стяжка. Вам придется сцеплять и расцеплять вагоны, формировать поезда»...

Девочек, которые были постарше и посильнее, отправили на комсомольские паровозы, возившие поезда от Ленинграда до Ладоги, пока не было «Дороги жизни». Потом — от Ленинграда до Волховстроя и от Волховстроя до Ленинграда. Ну, а я дохленькая была, худущая, волосы на лицо свисали... Я слышала, как девушки, проходившие мимо, тихо переговаривались: «Эта девчонка, наверное, скоро умрет»... А я думала: «Почему это? Я же спортом занималась. Нет, я не умру!»

Меня еще месяц держали в кондукторском резерве, давали рабочую карточку. И хотя нам не полагалось дополнительных талончиков на обеды в столовой (они предназначались поездным бригадам), заместитель начальника кондукторского резерва, секретарь комсомольской организации, поддерживал, как мог, давал нам эти талончики. И мы ходили обедать в столовую. После войны меня там узнавали: «Помним девочку с косичками!».

— **А что давали на обед по карточкам?**

— Первое, второе и третье. С карточки вырезали талончики, и на них можно было пообедать. Однажды я на карточку выкупила кашу пшеничную — маленькую порцию. На Охте у нас лебеда и крапива росли. Мама нарвала крапивы, отварила. А когда я принесла из столовой пшеничную кашу, мы сделали лепешечки из молотой травы и смазали кашей. Это было в 1942 году.

На Охте были совхозы, колхозы. На полях росли кочерыжки, листья капусты: было на чем продержаться. Потом на Пискаревке открыли склады с продуктами. Правда, их быстро разнесли, осталась одна кислая капуста. Моя мама со своей подружкой однажды пошла на склад. Добрались до капусты, а она уже соломой перемешана... Мама три раза ходила на склад, и набрала целый бочонок этой капусты. Мы ее посолили с яблоками, с клюквой. Хорошая была капуста. Этот бочоночек очень поддержал: у нас ни цинги, ни других заболеваний не было...

— **Семья у вас большая была?**

— Мама, папа и старшая сестра. Но папа умер еще до войны, в 1938 году. Так что я жила с мамой и сестрой.

В 1942 году, когда началась эвакуация, работник жакта пришел к маме и говорит: «У вас дочь школьница, вы можете уехать, эвакуироваться». Мама ответила: «Мы никуда не поедem. Останемся здесь, в Ленинграде. Как нам судьбой уготовано — пусть так и будет».

— Когда вы вошли в состав поездной бригады?

— После прорыва блокады организовалась 48-ая паровозная Колонна особого резерва Наркомата путей и сообщения (НКПС СССР). И нас, молодежь, взяли вот в эту 48-ую колонну. За семнадцать дней по южному берегу Ладожского озера железнодорожники и женщины метростроительницы построили дорогу, по которой снова следовали поезда.

*И вот пошли могучие машины
под вой снарядов и осколков шквал...*

Поезда шли, а их бомбили в междуречье и на мостах, и по дороге в Шлиссельбург и Волховстрой. Гибли ребята...

Мне и сейчас все это снится, а наяву даже не верится, что мы, восемнадцатилетние девчонки, могли формировать, сцеплять поезда такими ослабевшими после блокады руками. Тогда вагоны ходили смешанные: автосцепка с винтовой. У автосцепки кран похож на ухо. И вот надо было стяжку-цепь надеть на «ухо», а она весила десять килограмм. Надеваешь цепь и бежишь к следующему вагону. Главное, чтобы поезд быстрее поехал на другую станцию.

— Сколько в общей сложности работала 48-я колонна?

— До самого снятия блокады! За год работы на той дороге мы провезли четыре с половиной тонны грузов. Возили продукты: муку, подсолнечное масло...

— А людей возили?

— Да, возили эвакуированных. Девочки из школы моей уезжали. Я спрашиваю: «Зачем вы уезжаете? Сейчас ведь полегче стало». Отвечают: «Мы дома, под шкафом, нашли пальчик нашего братика. И мы не могли оставаться там. Вот уезжаем». Отдали мне свои карточки на хлеб...

— А у вас не возникало мысли уехать вместе с ними?

— Нет, нет. Не собиралась даже.

— Многие из эвакуированных умирали в пути, пока вы ехали?

— Конечно. Прямо на станциях люди умирали.

— **Вы все время находились в замкнутом пространстве вагона? Как удавалось справляться со страхом?**

— Некогда было бояться. Работать нужно было: то сцепляли вагоны, то расцепляли. Иногда даже горящие вагоны, когда снаряды в них попадали.

Однажды доехали до Мельничного ручья. В Мельничном ручье контрольный пункт был: проверяли все вагоны, чтобы не было диверсантов, никаких лишних людей. Дежурный говорит: «Тебе скоро по "коридору смерти" ехать, сходи пообедай к себе в вагон». Прибегаю в вагон, а там кочегар Степан Комаров гадает на картах. Вдруг бросил карты, и лицо потемнело у него. Плохое что-то нагадал. А меня тут же кольнуло в бок: приступ аппендицита. Отправили меня в Ленинград, в госпиталь... Наша бригада до Волховстроя доехала благополучно. На обратном пути попали под бомбежку. Степана Комарова убило, и еще помощника машиниста. Степан весь целехонький лежал, только у уха осколок маленький торчал. А Валя Мукасева, которая вместо меня поехала, получила ранение обеих ног, так и осталась хромой: кости неправильно срослись. После войны ее взяли в Ленинградское пассажирское отделение. Она там отработала почти сорок лет.

Страшнее всего было на «дороге смерти». Там тридцать восемь километров пути, из них одиннадцать — по голой местности, то есть видно,

когда выходит состав. Его тут же обстреливали. Редкий поезд проходил благополучно. На этом участке прямо перед нами взорвался снаряд. Еще минута, и попал бы в наш тормоз. Взрыв получился за нами, но нас оглушило, конечно. Очнулись — машинист сидит без фуражки, я без сумки. Приехали на станцию: люди рты открывают, а ничего не говорят. Оказывается, это мы не слышим — оглушены!.. Да, видимо, ангел-хранитель был у меня, раз после таких случаев оставалась жива.

— **Вы верите в Бога?**

— Да, верю. В пятнадцать лет ездила в Ярославскую область к своим родственникам. Сестра двоюродная меня научила молитве, я ее запомнила и все время повторяла в рейсах. И сейчас, конечно, верю. Когда умер мой старший сын, священник дал мне иконку. Я теперь все время на нее молюсь...

— **Когда выезжали в рейс, вы задумывались о будущем? О мирной жизни без войны?**

— Да, мечтали... мечтали, что будем хорошо жить.

Со мной работала Риммочка Уралова, она говорила: хочу иметь сына от своего любимого человека, и чтобы тот был на отца похож...

Она погибла: после очередной поездки ее привезли всю израненную осколками.

Вся жизнь наша проходила в вагонах. Почти в каждом вагоне у кого-то была гитара, у кого — мандолина, у кого — патефон. Молодежь есть молодежь. Выпускали листки боевые. Концерты устраивали. Иногда приедешь на станцию, чтобы набрать топлива — а там несколько паровозов соберутся. Мы выбегали из вагонов и тут же устраивали концерт. Радовались, что все живы.

— Как вы оцениваете свой вклад — ваш и ваших товарищей — в нашу Победу?

— Благодаря 48-ой колонне за всю войну было перевезено четыре с половиной тысячи тонн грузов. Армия, город, Балтийский флот получили все необходимое, чтобы 27 января 1944 года прогремел салют в честь полного снятия блокады Ленинграда.

— Как сложилась ваша жизнь после войны?

— После расформирования колонны нас отправили в Депо ТЧ-7 Московская-Сортировочная. В колонне к тому времени образовалось двадцать семей.

1 января 1944 года я тоже вышла замуж, за машиниста Александрова Ивана Ефимовича. В ноябре 1944 года родился наш старший сын Володя.

После войны вместе с Гошей Федоровым мы собрали всех героев 48-ой колонны и организовали Совет ветеранов. Мы рассылали анкеты тем, кто жил в других городах, получали от них сведения и фотографии. Так составили картотеку в алфавитном порядке.

Мария Ивановна показывает картотеку.

— Мария Ивановна, просим вас дать напутствие молодому поколению!

— Старайтесь перенять от нас опыт и знания. Заботьтесь о ближних, ухаживайте за больными, любите свою Родину. Тренируйте привычку работать с раннего детства.

И еще — берегите старых людей. Им так немного осталось, у них уже так мало сил — а ведь без них вас бы не было на свете!